

Священник Мигель Анхель Переза

Некоторые догматические аспекты римской литургии эпохи Вселенских Соборов (*Algunos aspectos dogmáticos de la liturgia romana, hasta la época de los Concilios Euménicos*)

УДК 27-528.1

DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_206

EDN XLXIFX

Аннотация: Статья представляет собой перевод с испанского языка доклада, представленного профессором, священником Мигелем А. Переза на круглом столе «Sacrificium Laudis: Богословие таинства Евхаристии и литургическая практика в Западной Церкви в эпоху Вселенских соборов» 28 сентября 2022 года в СПбДА в рамках XIV международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки»*. Автор представляет свои размышления о том, как первоначальная вера в Божественную Евхаристию соблюдалась в Римской Церкви с момента ее зарождения до ее возвышения и укрепления во времена Соборов. Первое описание чина таинства Евхаристии, согласно которому таинство совершалось в Римской Церкви, а также его богословская интерпретация содержится в «I Апологии» св. мч. Истина Философа. Во II в. «литургический обряд отличался своей простотой и ясностью и был практически идентичен во всех церквях христианского мира». Обрядовые отличия стали проявляться после рах Constantiniana, однако это не препятствовало единству веры. Дальнейшее развитие латинского обряда Евхаристии отражало особый дух латинской религиозности, характеризующийся трезвостью, простотой, тенденцией к практичности и реализму, а также исключением малейшего чувственного аспекта. Как на важнейшие догматические аспекты латинского богословия Евхаристии автор указывает на веру в то, что священник, совершающий таинство, действует *in persona Christi*, а освящение хлеба и вина происходит в момент произнесения над ними евангельских слов установления («Это есть Тело Мое... Это есть кровь Моя...»). Римская Церковь в I тыс. по Р. Х. строго исповедовала веру в реальное присутствие Господа в Евхаристии и в необходимость ее для обожения и вечного спасения.

Ключевые слова: литургия, Евхаристия, догматическое учение о таинствах, латинский обряд, Римская месса, Римская Церковь, Вселенские Соборы, вера в реальное присутствие Христа в Евхаристии.

Об авторе: Священник Мигель Анхель Переза (Miguel Ángel Peraza)

Профессор теологии папского института Athenæum Pontificium «Regina Apostolorum» (Рим), докторант факультета теологии Университета г. Фессалоники.

E-mail: ma2004pp@gmail.com

Для цитирования: Переза М. А., свящ. Некоторые догматические аспекты римской литургии эпохи Вселенских Соборов (*Algunos aspectos dogmáticos de la liturgia romana, hasta la época de los Concilios Euménicos*) : пер. с испанского // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 206–216.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 02.06.2023.

* Перевод с испанского — протодиакон Константин Георгиевич Маркович, кандидат богословия, доцент кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2023

Priest Miguel Ángel Peraza

Some dogmatic aspects of the Roman liturgy up to the time of the Ecumenical Councils (Algunos aspectos dogmáticos de la liturgia romana, hasta la época de los Concilios Ecuménicos)

UDK 27-528.1

DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_206

EDN XLXIFX

Abstract: This article is a translation from Spanish of a paper presented by Professor Fr. Miguel A. Peraza at the Round Table “Sacrificium Laudis: The Theology of the Sacrament of the Eucharist and Liturgical Practice in the Western Church in the Age of the Ecumenical Councils” held on September 28, 2022 in the framework of the XIV International Scientific and Theological Conference “Current Issues of Contemporary Theology and Church Science” at the Saint Petersburg Theological Academy*. The author presents his reflections on how the original faith in the Divine Eucharist was observed in the Roman Church from its inception until its elevation and strengthening at the time of the Councils. The first description of the Rite of the Sacrament of the Eucharist, according to which the Sacrament was administered in the Roman Church, as well as its theological interpretation, is contained in “I Apologia” of St. Martyr Justin Philosopher. At the same time, it must be recognized that in the second century “the liturgical rite was characterized by its simplicity and clarity and was practically identical in all the churches of the Christian world”. Ritual differences became apparent after the Pax Constantiniana, but the growing diversity did not impede the unity of the faith. The further development of the Latin Rite of the Eucharist reflected the particular spirit of Latin religiosity, characterized by sobriety, simplicity, a tendency toward practicality and realism, and the exclusion of the slightest sensual aspect. As the most important dogmatic aspects of the Latin theology of the Eucharist, the author points to the belief that the priest administering the sacrament acts in persona Christi, and that the consecration of the bread and wine takes place at the moment the Gospel words of institution are pronounced over them (“This is my body... This is my blood...”). The Roman Church in the first millennium strictly confessed the belief in the real presence of the Lord in the Eucharist and its necessity for deification and eternal salvation.

Keywords: liturgy, Eucharist, dogmatic doctrine of the sacraments, Latin Rite, Roman Mass, Roman Church, Ecumenical Councils, belief in the real presence of Christ in the Eucharist.

About the author: **Priest Miguel Ángel Peraza**

Professor of Theology at the Athenæum Pontificium «Regina Apostolorum» (Rome), doctoral student at the Faculty of Theology, University of Thessaloniki.

E-mail: ma2004pp@gmail.com

For citation: Miguel Ángel Peraza, priest. Some dogmatic aspects of the Roman liturgy up to the time of the Ecumenical Councils (Algunos aspectos dogmáticos de la liturgia romana, hasta la época de los Concilios Ecuménicos) : translation from Spanish. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 3, pp. 206–216.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 02.06.2023.

* Spanish translation — Protodeacon Konstantin Georgievich Markovich, Candidate of Theology, Associate Professor at the Department of Practical Church Studies, St. Petersburg Theological Academy.

Тайна Евхаристии понимается всеми Церквями апостольской традиции как «ядро тайны Церкви»¹, которая установлена Господом «в ту ночь, в которую предан был (in qua nocte tradebatur)» (1 Кор 11:23) ради нашего спасения, «по Его великой любви (ob suæ eximiae caritatis indicium)» (Еф 2; 4:4), ради нашего подлинного причастия Его Божественной жизни (θεώσις). В Евхаристии мы видим действительное и животворное присутствие Бога, реализованное уникальным и несравненным образом, залог обетования Господа². Мы хотим в общих чертах проследить, как первоначальная вера в Божественную Евхаристию соблюдалась в Римской Церкви с момента ее зарождения до ее возвышения и укрепления во времена Соборов.

Самое раннее известное описание литургии в точности соответствует римской литургии, и им мы обязаны св. мч. Иустину. Он поселился в Риме, где открыл философскую школу. В своей «I Апологии» он кратко описывает литургию, как она совершалась в этом городе. Мученик Иустин написал «Апологию» около 155 г., когда гонения были еще далеки от завершения и задолго до того, как он сам пролил свою кровь в середине II в. В этом тексте мы находим два важных свидетельства. Первое касается сути веры:

Пища эта у нас называется Евхаристией (благодарением), и никому другому не позволяется участвовать в ней, как только тому, кто верует в истину учения нашего и омылся омовением в оставление грехов и в возрождение, и живет так, как предал Христос. Ибо мы принимаем это не так, как обыкновенный хлеб или обыкновенное питье: но как Христос, Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел плоть и кровь для спасения нашего, таким же образом пища эта, над которой совершено благодарение через молитву слова Его, и от которой через уподобление получает питание ваша кровь и плоть, есть — как мы научены — Плоть и Кровь того воплотившегося Иисуса. Ибо апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями, предали, что им было так заповедано: Иисус взял хлеб и благодарил и сказал: это делайте в Мое воспоминание, это есть Тело Мое; подобным образом Он взял чашу и благодарил и сказал: это есть Кровь Моя, и подал им одним³.

Второе указание касается литургического обряда (день, структура, практическая организация...):

С того времени мы между собою всегда делаем воспоминание об этом. И достаточные из нас помогают всем бедным, и мы всегда живем заодно друг с другом. За все получаемые нами благодеяния мы прославляем Создателя всего, через Сына Его Иисуса Христа и через Духа Святого. В так называемый день солнца бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам или селам; и читаются,

¹ «...hæc patefacit veritas sed quadam in summa ipsius Ecclesiæ nucleum mysterii complectitur» [Ecclesia de Eucharistia. 1, p. 433].

² Мф 28:20: «Я с вами во все дни до скончания века (Et ecce Ego vobiscum sum omnibus diebus usque ad consummationem sæculi)».

³ «Καὶ ἡ τροφή αὕτη καλεῖται παρ' ἡμῖν Εὐχαριστία, ἧς οὐδενὶ ἄλλῳ μετασχεῖν ἔξω ἐστὶν ἢ τῷ πιστεύοντι ἀληθῆ εἶναι τὰ δεδιδαγμένα ὑφ' ἡμῶν, καὶ λουσαμένῳ τὸ ὑπὲρ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν καὶ εἰς ἀναγέννησιν λουτρόν, καὶ οὕτως βιοῦντι ὡς ὁ Χριστὸς παρέδωκεν. Οὐ γὰρ ὡς κοινὸν ἄρτον οὐδὲ κοινὸν πῶμα ταῦτα λαμβάνομεν· ἀλλ' ὃν τρόπον διὰ Λόγου Θεοῦ σαρκοποιηθεὶς Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Σωτὴρ ἡμῶν καὶ Σᾶρκα καὶ Αἷμα ὑπὲρ σωτηρίας ἡμῶν ἔσχεν, οὕτως καὶ τὴν δι' εὐχῆς λόγου τοῦ παρ' αὐτοῦ εὐχαριστηθεῖσαν τροφήν, ἐξ ἧς αἷμα καὶ σάρκες κατὰ μεταβολὴν τρέφονται ἡμῶν, ἐκεῖνου τοῦ σαρκοποιηθέντος Ἰησοῦ καὶ σᾶρκα καὶ αἷμα ἐδιδάχθημεν εἶναι. Οἱ γὰρ Ἀπόστολοι ἐν τοῖς γενομένοις ὑπ' αὐτῶν ἀπομνημονεύμασιν, ἃ καλεῖται Εὐαγγέλια, οὕτως παρέδωκαν ἐντετάλθαι αὐτοῖς· τὸν Ἰησοῦν λαβόντα ἄρτον εὐχαριστήσαντα εἶπεν· “Τοῦτο ποιεῖτε εἰς τὴν ἀνάμνησίν μου, τοῦτ' ἐστὶ τὸ Σῶμά μου”· καὶ τὸ ποτήριον ὁμοίως λαβόντα καὶ εὐχαριστήσαντα εἶπεν· “Τοῦτο ἐστὶ τὸ Αἷμά μου”· καὶ μόνους αὐτοῖς μεταδοῦναι» (Св. мч. Иустин Философ. Апология в защиту христиан I; Απολογία Α' ὑπὲρ Χριστιανῶν, 66: PG 6, 428B-429A).

сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончил молитву, тогда, как я выше сказал, приносится хлеб, и вино, и вода; и предстоятель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом — «аминь», и бывает раздаяние каждому и приобщение Даров, над коими совершено благодарение, а к небывшим они посылаются через диаконов. Достаточные же и желающие, каждый по своему произволению, дают, что хотят, и собранное хранится у предстоятеля: а он имеет попечение о сиротах и вдовах, о всех нуждающихся по болезни или по другой причине, о находящихся в узах, о странниках издалека, вообще печется о всех находящихся в нужде. В день же солнца мы все вообще делаем собрание, потому что это есть первый день, в который Бог, изменивши мрак и вещество, сотворил мир, и Иисус Христос, Спаситель наш, в тот же день воскрес из мертвых⁴.

На этой ранней стадии развития порядок совершения Таинства, предположительно, был одинаковым во всем христианском мире. Действительно, М. Ригетти отмечает, что:

...когда св. Поликарп Смирнский прибыл в Рим, чтобы обсудить с папой Аникитой († 166) вопрос о Пасхе, он смог, по приглашению самого папы, сослужить вместе с ним. Это свидетельствует о том, что и в Азии, и в Риме евхаристический ритуал был более или менее единообразным [Righetti, 1998, I, 103; Basurko, 2006, 97].

Литургический обряд отличался своей простотой и ясностью и был практически идентичен во всех Церквах христианского мира. Определенного формуляра еще не существовало, но, исходя из того, что было воспринято от Господа (как выражается апостол в 1 Кор 11:23–27), использовались свободные, спонтанные формулы, в соответствии с благочестием, культурой и интерпретацией православной веры епископом. Однако вскоре необходимость определенного чина и целесообразность установления молитвенных формул и стандартных фраз стала очевидной, что мы и находим в трактате *Traditio apostolica*, предположительно автором которого считают сщмч. Ипполита Римского (ок. 170–235):

И епископ пусть возносит благодарение, согласно нашему предписанию. Нет никакой необходимости, чтобы он повторял те же самые слова,

⁴ «Τῇ τοῦ ἡλίου λεγομένη ἡμέρᾳ πάντων κατὰ πόλεις ἢ ἀγροὺς μενόντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ συνέλευσις γίνεται, καὶ τὰ ἀπομνημονεύματα τῶν Ἀποστόλων ἢ τὰ συγγράμματα τῶν Προφητῶν ἀναγινώσκειται, μέχρις ἐγχωρεῖ. Ἐῖτα παυσάμενου τοῦ ἀναγινώσκοντος ὁ προεστὼς διὰ λόγου τὴν νοουθεσίαν καὶ πρόκλησιν τῆς τῶν καλῶν τούτων μνήσεως ποιεῖται. Ἐπειτα ἀνιστάμεθα κοινῇ πάντες καὶ εὐχὰς πέμπομεν· καί, ὡς προέφημεν, παυσάμενον ἡμῶν τῆς εὐχῆς ἄρτος προσφέρεται καὶ οἶνος καὶ ὕδωρ, καὶ ὁ προεστὼς εὐχὰς ὁμοίως καὶ εὐχαριστίας, ὅση δύναμις αὐτῷ, ἀναπέμψει, καὶ ὁ λαὸς ἐλευοφρμεῖ λέγων τὸ “ Ἀμήν ”, καὶ ἡ διάδοσις καὶ ἡ μετάληψις ἀπὸ τῶν εὐχαριστηθέντων ἐκάστῳ γίνεται, καὶ τοῖς οὐ παροῦσι διὰ τῶν διακόνων πέμπεται. Οἱ εὐποροῦντες δὲ καὶ βουλόμενοι κατὰ προαίρεσιν ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ ὁ βούλεται δίδωσι, καὶ τὸ συλλεγόμενον παρὰ τῷ προεστῶτι ἀποτίθεται, καὶ αὐτὸς [...] ἀπλῶς πᾶσι τοῖς ἐν χρείᾳ οὐσι κηδεμῶν γίνεται. Τὴν δὲ τοῦ ἡλίου ἡμέραν κοινῇ πάντες τὴν συνέλευσιν ποιοῦμεθα, ἐπειδὴ πρώτη ἐστὶν ἡμέρα, ἐν ἧ ὁ Θεὸς τὸ σκότος καὶ τὴν ὕλην τρέψας κόσμον ἐποίησε, καὶ Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ ἡμέτερος Σωτὴρ τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκ νεκρῶν ἀνέστη» (Απολογία Α΄ ὑπὲρ Χριστιανῶν, 67: PG 6, 429A–432A).

Итак, основными составляющими частями были: чтение Священного Писания (книг Ветхого Завета, Посланий апостольских и Евангелия. — Прим. пер.), проповедь (гомилія), ходатайственные прошения, евхаристическое приношение хлеба и вина, исповедание веры, освящение этих приношений тринитарно-христологической формулой, вспоминание (anamnesis) смерти и воскресения Господа, причащение присутствующих и отправление Свв. Тела и Крови Христовых к больным или заключенным, братский сбор для нуждающихся.

которые мы говорили раньше, и заучивал их наизусть, вознося благодарение Богу; но каждый пусть молится по своей возможности. Если же кто-нибудь имеет возможность помолиться долгой и возвышенной молитвой, то это хорошо. Но если кто-нибудь, молясь, произносит умеренную молитву, согласно закрепленному образцу, то не препятствуйте ему. Только пусть его молитва будет здоровой и правильной в учении (Апостольское предание, 9)⁵.

Уже после III в., и тем более со времени *pax Constantiniana*, стали проявляться обрядовые различия, наряду с акцентами богословского развития, в великих центрах мысли, в первую очередь в Александрии и Антиохии. Также в Риме начала формироваться собственная обрядовая традиция. Если в первоначальном укладе чувствовалось семитское или восточное влияние, то мало-помалу латинское христианство стало иметь свой собственный характер, передававшийся в провинции, находящиеся под церковной юрисдикцией и культурным влиянием Рима. С другой стороны, гонения еще больше затрудняли отношения различных Церквей друг с другом, и в то же время возрастало число великих личностей — отцов Церкви — в различных регионах. Однако это растущее разнообразие не считалось препятствием к единству веры⁶. С другой стороны, более крупные митрополии стремились осуществлять контроль над малыми Церквями в различных церковных сферах, чтобы сохранить единство и в богослужении. Опять же, Ригетти отмечает, что именно во время Первого Вселенского Собора (Никея, 325) литургическое разнообразие уступило место типам, которые позже были объединены в «литургические семьи»⁷. В случае с римской литургией очень обширная юрисдикция Римской Церкви, охватывавшая больше половины Европы, привела к появлению практик и обычаев, которые контрастировали с теми, что были получены от материнской Церкви. Таким образом, в латинской литургии стали выделяться два направления: африкано-римское, характерное для великих митрополий, и галликанское — в провинциях с преимущественно варварским населением (с четырьмя основными формами: испано-мосарабской, амброзианской, кельтской и собственно галликанской). Однако сейчас нас интересует только римская версия и, в частности, выделение определяющего ее догматического ядра.

Латинское христианство, утвердившееся уже с конца II в., даже в условиях греческого культурного превосходства развивалось на основе древнеримской литургии, характеризующейся трезвостью, простотой, тенденцией к практичности и реализму, а также исключением малейшего чувственного аспекта. Эта последняя характеристика будет особенно подчеркнута евхаристическим богослужением начиная со Средних

⁵ Русский перевод: [Ипполит Римский, 2015, 14].

⁶ См. *Tertulliani*, *De virginibus velandis*, 1, 4–5 // PL 2, 889A–B: “Regula quidem fidei una omnino est, sola immobilis et irreformabilis. <...> Hoc lege fidei manente cetera iam disciplinæ et conversationis admittunt novitatem correctionis, operante scilicet et proficiente usque in finem gratia Dei” («Правило веры, действительно, совершенно одно, одно неизблемое и неизменное. <...> Этот закон веры неизменен, остальные последующие детали дисциплины и образа жизни допускают новизну исправления; благодать Божья, как известно, действует и движется вперед до самого конца»).

⁷ «Во время Никейского Собора (325 г.) они фактически были распределены следующим образом: на Востоке — три великие митрополии: Антиохия, Кесария, Александрия. Антиохия, самая древняя и известная из них, была очень активным центром религиозной жизни, из которого христианство широко распространялось в окружающие страны. <...> В это время в сферу ее влияния попал и Иерусалим. Епископ древней еврейской столицы действительно пользовался особыми почестями, но настоящую автономию получил только после Эфесского Собора (431). <...> Новый Константинопольский престол начал оказывать, наряду с политическими действиями, эффективное литургическое влияние только в середине V в. ... и в последующие века ему удалось навязать себя древним митрополичьим кафедрам. <...> На Западе Рим, глава империи и митрополия христианского мира, не только пользовался неоспоримым иерархическим превосходством над всеми церквями. <...> Этот город... приобретал все большее значение и престиж по отношению к окрестным кафедрам и более отдаленным — Испании и Галлии» [Righetti, 1998, I, 108–110].

веков и, позднее, сакраментальной теологией Трентского Собора, против протестантской Реформации. Хотя в первые века существования империи преобладала греческая культура, литургический язык, используемый в Риме, был не изысканным аттическим диалектом, а популярным *κοινή*. Провинции Африки, со своей стороны, внесли свой вклад, став второй родиной римской литургии, на которую повлияли прежде всего латинские отцы и церковные писатели, такие как св. Киприан, Тертуллиан, блж. Августин, Арнобий, Лактанций. Так что литургия, вероятно, перешла с греческого на латынь в Африке раньше, чем в Риме, уже в конце II в. (см.: [Righetti, 1998, I, 165]). В Риме, с другой стороны, языковые изменения были более постепенными⁸, но и более устойчивыми. Рудиментарное язычество многих варварских народов ранее было вытеснено утонченным и прагматичным римским язычеством, которое давало им определенное единство и возможность прогресса; затем произошло обращение в христианство, которое повсеместно утвердило многовековое литургическое использование латыни на всем Западе (в отличие от Востока, где литургия совершалась на национальных языках). До сих пор во *Граде* (Риме) сохраняется древний обычай пения Евангелия на латинском и греческом языках во время торжественной папской литургии.

Дисциплинарной особенностью римской литургии является повторное совершение одним и тем же священником в один и тот же день. До IV в. было принято, чтобы литургия в праздничные дни была одна. Единая Жертва на едином алтаре. Восток сохранил эту древнюю практику. Однако в V в. число верующих было огромным, отчасти благодаря обращению целых варварских народов. С осознанием присутствия Господа и совершенства самого величественного из таинств (*Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес (qui propter nos homines, et propter nostram salutem descendit de caelis)*) в это время была установлена «воскресная заповедь» (*el precepto dominical*)⁹, для исполнения которой было недостаточно одной Мессы, особенно в скромных сельских храмах или небольших городских центрах. Таким образом, причина установления повторного служения мессы была обусловлена *икономией* (принципом снисходительности) и пастырской заботой, при том условии, что оно будет необходимой мерой *pro salute* (ради спасения) верующих. Святой Лев Великий так объясняет это патриарху Александрийскому Диоскору:

Для того, чтобы мы соблюдали все обычаи в согласии, мы также желаем, чтобы сохранилось следующее: когда более торжественное празднество предполагает участие большого числа верующих, но народу собралось больше, чем вмещает базилика, приношение Жертвы должно быть обязательно повторено. Чтобы не было такого, что только те, кто пришел первыми, были допущены к богослужению, а множество народа, пришедшее позже, уже не найдет места для входа. Поэтому нам кажется достойным всякого благочестия и здравого смысла приносить Жертву каждый раз, когда базилика наполняется вновь пришедшими¹⁰.

⁸ «Литургическое господство греческого языка продолжалось до середины III в. и, возможно, даже позже, как в силу обычая, так и потому, что он лучше, чем латынь, подходил на роль языка международного общения между различными христианскими общинами империи. Вероятно, во времена папы Фабиана (240–251) Римская церковь уже была преимущественно латинской» [Righetti, 1998, I, 188]. Следует отметить, что, в свою очередь, испано-мосарабская литургия использовала некоторые термины греческого языка, в том числе и в Символе веры, по причине их особой важности для догматики.

⁹ Имеется в виду обязанность почитания воскресного дня. «Воскресная Евхаристия — основа и утверждение всей христианской жизни в вере. Поэтому верные обязаны участвовать в Евхаристии в дни предписанных праздников, если они не освобождены от этого обязательства по серьезной причине (например, болезнь или уход за грудным ребенком) или если их священник не снял с них обязательство. Те, кто сознательно не выполняют этого обязательства, совершают тяжкий грех» (Катихизис Католической Церкви. 2181). — *Прим. пер.*

¹⁰ «Ut autem in omnibus observantia nostra concordet, illud quoque volumus custodiri, ut cum solemnior quæque festivitas conventum populi numerosioris indixerit, et ea fidelium multitudo convenerit, quam recipere Basilica simul una non possit, *Sacrificii oblatio indubitanter iteretur*: ne his

Таким образом, предписание св. Льва Великого по существу соответствует вере в реальное присутствие Господа в Евхаристии и в необходимости ее для обожения и вечного спасения. Несмотря на объяснение, этого обычая придерживались только в Риме, но это не было тогда предметом для распри или спора ни с Александрией, ни с любым из восточных патриархатов, чьи пастырские нужды были иными.

Мы должны признать, что древность римской литургии объясняет смутность исторической картины ее происхождения. Самые древние из сохранившихся записей фрагментарны и происходят из манускриптов VIII–IX вв. Из заметных древних документов самым важным, несомненно, является *Canon Romanum*. С тех пор канон остался практически неизменным (см.: [Jungmann, 2004, 43]), что придает ему особую значимость, настолько, что, в отличие от всех восточных традиций, он был единственной анафорой римского обряда с этого времени и до реформы II Ватиканского Собора. Хотя канон, несомненно, возник в Риме, его редакционный генезис не совсем ясен. Сейчас не время рассматривать этот аспект, однако стоит обратить внимание на догматический характер текста канона. Святой Амвросий в IV в. заметил, что все, что в литургии предшествует канону, — это человеческие слова, тогда как канон погружает нас в Божественную тайну:

Возможно, ты скажешь: «Это обычный хлеб». Но этот хлеб является обычным хлебом только до слов освящения (*verba sacramentorum*). Как только наступит время освящения (*consecratio*), из хлеба он станет Телом Христовым. <...> Как этот хлеб может быть Телом Христовым? А освящение совершается какими словами и чьими речами? Господа Иисуса. Ибо все то, что произносится прежде, произносится от священника: прославление Бога, молитва, прошение за народ, за царей и за все остальное. Но как только приближается время совершения честного таинства, священник уже употребляет не свои слова, но произносит слова Христовы. Следовательно, слово Христа совершает это таинство¹¹.

Святой Амвросий, по сути, является одним из отцов, утвердивших латинское учение о том, что священник, совершая таинства, и особенно посвящение во время Евхаристической литургии, действует *in persona Christi*¹².

tantum admissis ad hanc devotionem, qui primiadverint, vedantur hi, qui postmodum confluerint, non recepti: cum plenum pietatis atque rationis sit, ut quoties Basilicam, in qua agitur, praesentia novae plebis impleverit, toties sacrificium subsequens offeratur» (Leonis I, Epistula IX ad Dioscurum Alexandrinum episcopum, 2: PL 54, 626C–627A).

¹¹ «Ergo auctor sacramentorum quis est, nisi Dominus Jesus? De caelo ista sacramenta venerunt; consilium enim omne de caelo est. <...> Tu forte dicis: “Meus panis est usitatus”. Sed panis iste panis est ante verba sacramentorum (*De Consec.*, dist. 2, c. *Panis est*): ubi accesserit consecratio, de pane fit caro Christi. Hoc igitur astruamus. Quomodo potest qui panis est, corpus esse Christi? Consecratione. Consecratio autem quibus verbis est, cujus sermonibus? Domini Jesu. Nam et reliqua omnia quae dicuntur in superioribus, a sacerdote dicuntur, laudes Deo deferuntur, oratio petitur pro populo, pro regibus, pro caeteris: ubi venit ut dicatur venerabile sacramentum, jam non suis sermonibus utitur sacerdos, sed utitur sermonibus Christi. Ergo sermo Christi hoc conficit sacramentum» (*Ambrosii, De Sacramentis* 4, 4, 14: PL 16, 439A–440A).

¹² В этом также заключается смысл молитвы (*formula intentionis*), которую священник читает в сакристии перед началом совершения Литургии: “Ego volo celebrare Missam, et conficere Corpus et Sanguinem Domini nostri Jesu Christi, juxta ritum sanctae Romanae Ecclesiae, ad laudem omnipotentis Dei totiusque Curiae triumphantis, ad utilitatem meam totiusque Curiae militantis, pro omnibus, qui se commendaverunt orationibus meis in genere et in specie, et pro felici statu sanctae Romanae Ecclesiae” («Я желаю совершить Мессу и причаститься Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, по обряду Святой Римской Церкви, во славу Бога всемогущего и всей Церкви Торжествующей, за всех и каждого, кто вверил себя моим молитвам и во имя благоденствия Святой Римской Церкви»). Углубленное понимание этого существенного аспекта будет ясно выражено Фомой Аквинским несколько веков спустя: “Hoc sacramentum tantae est dignitatis quod non conficitur nisi in persona Christi” («величие этого таинства таково, что оно может быть исполнено только от лица Христа») (*STh III*, q. 82, a. 1).

Пока канон обретал свою законченную форму, римская литургия также достигла своего собственного и общепринятого порядка, со своим характерным вероучительным содержанием. В такой унификации были заинтересованы все территории, находившиеся под церковной юрисдикцией Рима, пусть и ценой отказа от своих собственных или особых литургических обрядов, о которых мы упоминали выше. Юнгманн отмечает важную причину:

Пятый век был временем больших несчастий для Рима, а следующий век (с нападением готов и вторжением лангобардов) был периодом бедствий и постоянной угрозы. Однако именно в это время римская месса развивалась все более и более интенсивно. Этот факт зависел от чрезвычайного уважения, которым в то время пользовались папство и Церковь в Вечном городе. Папство стало «единственной славой и единственной гордостью римского народа» [Jungmann, 2004, 51].

Папа считался защитником христианской веры и защитником обездоленного и страдающего населения¹³. Таким образом, наряду с простыми и незамысловатыми богослужениями в различных титулярных церквях¹⁴, все большее значение приобретала папская литургия.

Именно тогда появились стациональные мессы, которые понтифик совершал в главных церквях Града. Слово *statio* обозначало собрание во главе с епископом в определенный день и в храме определенной важности. На этих мессах с большой помпой присутствовали патриции и народ, которые съезжались со всех концов города и даже из сельской местности. Эта благочестивая практика продолжается в наши дни во время Великого поста, начиная с покаянной литургии Пепельной среды, процессия которой отправляется из монастыря Сан-Ансельмо, а затем проходит в древней церкви Санта Сабина на Авентинском холме.

Стациональные торжественные мессы развивались в течение VII–VIII вв. и вскоре приобрели особое значение в литургической истории. Они способствовали почитанию мучеников, мощи которых хранились в соответствующей стациональной церкви. Почитание святых мучеников фактически является продолжением раннего христианства.

Важнейшим деятелем этого периода был св. Григорий Великий (590–604), энергичный реформатор, предпринявший труд кодификации римской литургии. Его деятельность открывает целый период церковной истории вплоть до Григория VII. Он родился

¹³ Падение Рима было событием несопоставимой ни с чем значительности. Христиане не только оплакивали его, но и вынуждены были защищаться от клеветы, призванной выставить их виновниками. Так, блж. Августин написал книгу *De Urbis Excidio* («Разрушение Рима»; PL 40, 715–724), где перед лицом такой катастрофы он заходит столь далеко, что утверждает: «*Compara ad Gehennam, et leve est omne quod pateris*» — «Сравни это с адскими муками, и все, от чего ты сейчас страдаешь, покажется легким».

¹⁴ Нынешние титулярные церкви Града берут свое начало в период после Константиновского мира, характеризующийся переходом от *domus Ecclesiae* (частных помещений, где совершалась литургия) к храмам в собственном значении этого слова. В римском праве гражданин-патриций мог передать имущество посредством учредительного акта для общественного пользования, в этом случае имя дарителя заносилось на табличку (*titulus*). Следуя этой практике, в IV в. папа Римский даровал титул определенному священнику, который, помимо прочего, отвечал за подготовку катехуменов к Крещению. Здесь мы находим зарождение приходов как юридической церковной организации, которая позже распространилась по всему миру. Согласно *Liber Pontificalis* (которую некоторые приписывают св. Дамасу), в начале IV в. в Риме было 25 первоначальных титулов. Это также является началом современных кардинальских титулов (т.е. римских титулярных кардинальских базилик, которые закреплены за тем или иным кардиналом и в которых тот имеет право совершать богослужения, находясь в Риме. — *Прим. пер.*), которые символически проявляют универсальность Церкви и признание духовного гражданства. Вместо мемориальной доски на фасадах титулярных церквей размещаются гербы правящего папы и титулярного кардинала.

в знатной семье, его изысканное культурное образование привело к тому, что в молодости он был избран на пост префекта¹⁵. Несмотря на свои личные успехи, он предпочел монашескую жизнь. Папа Пелагий II посвятил его в сан диакона и назначил апокрисиарием (ἀποκρισιάρχος), что примерно соответствует должности папского легата или нынешнего апостольского нунция при императорском дворе Константинополя. Когда Пелагий II умер, он был избран епископом Рима по всеобщему согласию. Святой Григорий Великий поддерживал практику совершения месс в стациональных церквях, придавая им большую пышность и великолепие. Таким образом, верующие из разных районов города сближались и собирались вокруг святого, имеющего для них особое значение. Именно в таких случаях св. Григорий произносил свои поучения и проповеди. Во время его понтификата практика стациональных месс распространилась на другие, даже отдаленные провинции. Он также упростил структуру мессы и молитв, поместил «Отче наш» после заключительной доксологии канона и перед *fractio panis*, включил диптики (поминовения имен) в канон и приветствие мира (*pax*) в чин причащения. С тех пор эти элементы отличают римскую литургию от всех восточных литургий и даже от галликанской и испано-мосарабской литургий. Он также способствовал созданию *schola cantorum*, которая придавала литургии большее величие. Он способствовал распространению почитания икон, хотя на Востоке пока еще не разгорелась иконоборческая борьба. Он поощрял две формы участия верующих в мессе: принесение приношений и причащение под двумя видами.

Однако в этот период вера в реальное присутствие Христа в Евхаристии еще не предполагала евхаристического почитания вне мессы, и крепость этой веры еще не требовала богословских аргументов, доказывающих реальное присутствие Тела и Крови Господа. Последняя вероучительная особенность, которая кристаллизовалась в этот период, заключается в том, что литургические молитвы, глубоко отмеченные христологией Халкидона, всегда были обращены к Отцу, через Христа, в Святом Духе, в отличие от других литургий, которые иногда обращены непосредственно к Иисусу Христу. Основными чертами римской литургии остаются трезвость, краткость и доктринальная точность.

Вскользь упомянем последний характерный элемент римской литургии, происхождение которого неизвестно, но появление которого зафиксировано вскоре после этого периода. Это использование пресного хлеба, также распространенное среди армян. Предположительно, в Евангелиях говорится об обычном квасном хлебе (по крайней мере, если следовать Евангелию от Иоанна, в котором Тайная Вечеря предшествует пасхальной трапезе и не отождествляется с ней; см.: [Raffa, 2003, 390]), но нет возможности узнать или доказать, использовали ли апостолы квасной или пресный хлеб в ранних *Fractio panis*, или придавали ли они этому вопросу какое-то особое значение. С другой стороны, это была значительная деталь в иудейском ритуале пасхальной трапезы¹⁶.

Святой Павел придал этому еврейскому ритуальному предписанию духовное значение, отнеся его к Христу¹⁷. В этой связи Ригетти отмечает следующее:

До VIII в. ни одно из свидетельств авторов, упоминающих о хлебе, используемом в мессе, не было настолько явным, чтобы точно указать его состав. Все

¹⁵ Аниций Григорий (будущий папа Григорий Великий) был избран префектом Рима (Praefectus urbi), т. е. градоначальником, в 574 г. — Прим. пер.

¹⁶ El *matzāh* (מַצָּה), предписанная в Пасхальном Седере (סדר ליל הַסֵּדֶר), обряде пасхального ужина.

¹⁷ 1 Кор 5:7–8: «Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас! Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» («*Expurgate vetus fermentum, ut sitis nova conspersio, sicut estis azymi. Etenim Pascha nostrum immolatus est Christus! Itaque festa celebremus, non in fermento veteri neque in fermento malitiæ et nequitiae, sed in azymis sinceritatis et veritatis*»).

они ограничиваются общими словами, что это был обычный хлеб, хлеб, который люди ели каждый день. Хлеб, который обычно выпекали с дрожжами, чтобы он легче переваривался и усваивался [Righetti, 1998, III, 52].

Первое ясное свидетельство на Западе об использовании пресного хлеба на мессе содержится в письме *Ad fratres Lugdunenses*, написанном Алкуином в 798 г.:

«Вы должны приготовить хлеб для освящения Тела Христова без закваски, он должен быть пресным». С тех пор мы знаем, что дисциплина начала двигаться в этом направлении. Что послужило причиной этого? Кардинал Бона утверждает, что практика жертвоприношения со стороны верующих и их последующего причащения была утрачена. Пока именно они готовили хлеб для приношения и освящения, они делали это дома, как квасной хлеб, который ели каждый день. С другой стороны, когда в период Каролингов приготовление евхаристического хлеба стало практически монополией священников и монахов, евангельская и символическая идея пресного хлеба, каким его освятил Христос, легко прижилась и постепенно возобладала [Righetti, 1998, III, 883–884].

В целом, у нас нет убедительных сведений о происхождении употребления опрессованных, ни о том, когда оно возникло, ни о причинах, вызвавших его появление. К сожалению, несомненно, что полемика с Восточными Церквями возникла поздно и не совсем в условиях мирных братских отношений.

Подводя итог, можно отметить, что самые авторитетные ученые согласны признать существенную подлинность не только догматического содержания, но и преемственность в практике Римской литургии, начиная с ее истоков [Righetti, 1998, III, 118].

Помимо академической серьезности данной встречи, я хотел бы также с благодарностью Троициному Богу отметить еще одно обстоятельство, которое собрало нас вместе, несмотря на нашу человеческую слабость (ср. 1 Ин 4:19; Рим 5:8). Это взаимное согласие с тем, что Святая Евхаристия — это дар, за который мы никогда не сможем в полной мере возблагодарить Господа. Сегодня я бы хотел напомнить еще раз исповедание св. Николая Кавасилы: «Так совершенно сие таинство, высшее всякого таинства, и приводит к самой вершине благ; потому и всякой человеческой ревности последний предел здесь же. Ибо в нем мы сообщаемся с самим Богом, и Бог соединяется с нами совершеннейшим единением»¹⁸.

Мы благодарим нашего Господа и Его Пречистую Матерь за желание добиваться восстановления неразделенной веры первого христианского тысячелетия в то, что свв. отцы считали самым существенным и священным в Церкви.

Спасибо за ваше внимание.

Источники и литература

1. *Ecclesia de Eucharistia* — Иоанн Павел II, Папа. Энциклика «*Ecclesia de Eucharistia*» 1 // *Acta Apostolicae Sedis (AAS)*. 2003. No. 95/7. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_20030417_eccle-de-euch.html (дата обращения: 21.07.2023).

2. Basurko (2006) — *Basurko X. Historia de la liturgia*. Barcelona: Centre de Pastoral Litúrgica, 2006.

¹⁸ «Οὕτω τέλειόν ἐστι τὸ μυστήριον, τελετῆς ἀπάσης διαφερόντως, καὶ τῶν ἀγαθῶν ἐπ' αὐτὴν ἄγει τὴν κορυφὴν, ἐπεὶ καὶ πάσης ἀνθρωπείας σπουδῆς ἐνταῦθα διὴ τὸ ἔσχατον τέλος. Θεοῦ γὰρ αὐτοῦ τυγχάνομεν ἐν αὐτῷ, καὶ Θεὸς ἡμῖν ἐνοῦται τὴν ἔνωσιν τὴν τελεωτάτην» (Νικολαοῦ Καβασίλα, *Περὶ τῆς ἐν Χριστῷ ζωῆς*, Δ', 10 // PG 150, 585B).

3. Jungmann (2004) — *Jungmann J. A.* Missarum sollemnia: Eine genetische Erklärung der Römischen Messe. Milano: Ancora, 2004 (edizione anastatica).
4. PG — Patrologiæ Cursus Completus. Series Græca: en 161 t. / Ed. Par J.-P. Migne. Paris, 1857–1866.
5. PL — Patrologiæ Cursus Completus. Series Latina: en 217 t. / Ed. Par J.-P. Migne. Paris, 1844–1855.
6. Raffa (2003) — *Raffa V.* Liturgia eucaristica. Mistagogia della Messa: dalla storia e dalla teologia alla pastorale pratica. Roma: Centro Liturgico Vincenziano, 2003.
7. Righetti (1998) — *Righetti M.* Manuale di storia liturgica: in IV vols. Milano: Ancora, 1998 (edizione anastatica).
8. Катихизис Католической Церкви — Катихизис Католической Церкви. URL: <http://ссonline.ru/> (дата обращения: 21.07.2023).
9. Ипполит Римский (2015) — *Ипполит Римский, сщмч.* Апостольское Предание. М.: Сибирская Благовонница, 2015.